

РАЗНЫЕ ПОРУКИ

Памяти Героя Социалистического труда
Георгия Павловича Сологуба

Круговая порука мажет как копоть...

Илья Кормильцев

Напротив сидящего за столом директора Очёрской спецшколы Георгия Павловича Сологуба нервно ёрзал на жестком стуле худенький 13-летний воспитанник.

Угловатая фигурка в школьной форме, чуть затаस्कанный со свойственным непоседливым мальчишкам небрежением к внешнему лоску. Стриженная голова с детской залысинкой на лбу, про которую в народе говорят: «Корова языком лизнула», обиженно надутые щеки. Руки парень словно не знает куда деть – ходуном ходят, пальцы в беспокойстве барабают по стулу, теребят пуговку на курточке, почёсывают вихрастую макушку. Глаз тоже не видно – прячет, боясь встретиться взглядом со строгим директором.

Но тот глядит вовсе и не сердито – с добродушной ласковой усмешкой, что так шла ему. А ведь впору было ором орать, кричать из всех сил, грозить, ругаться. И никто бы, наверное, не осудил его за это – не горе, что непедагогично.

Со склада готовой продукции пропало несколько ящиков краников к бензопилам, что уже год выпускала школа по договору с заводом. Собственное

производство было и предметом гордости Георгия Павловича, и одной из причин его ранней седины. Он лично обивал пороги различных инстанций – просил, требовал, убеждал, порой стучал кулаком по столу, искал мастеров, оборудование, станки. Многие не верили, что воспитание трудом – трудом производительным, когда его результаты видны воочию, преобразит сознание оступившихся мальчишек, сделает их более ответственными и гордыми за ту несомненную пользу, что они приносят Родине. А руководители-хозяйственники отмахивались от затеи Сологуба, как от блаженной авантюры: дескать, как же, разве можно надеяться на малолетних преступников – шпану, воров и бродяг? Обманут, обкрадут, разленятся – сплошной брак погонят!..

Но ребята ни разу не подвели смежников – работали без скидок и поблажек, наравне со взрослыми, качественно и раньше срока выполняли план. В школу зачастили делегации по обмену опытом со всей страны – от Калининграда до Владивостока. В педагогической среде, взыскательно требовательной и обычно скупой на похвалы, восхищенно заговорили:

– Это же новый Макаренко!

– Бери выше – это Сологуб!

И тут, как снег на голову, такое вопиющее ЧП...

Выяснилось, что ватага воспитанников, из тех, кто ещё не излечился от уголовных захмычек и жил не по справедливым законам коллектива, а по мутным блатным понятиям, проникла на склад и украла ящики с продукцией. Зачем? Всё равно ж её ни продать, ни

сменять... А просто заводилам или, как их называли в школе, «буграм» стало обидно, что они стремительно теряют свой авторитет. И им на смену приходят новые лидеры, которых ребята уважают не за былые воровские «подвиги», не за умение смачно материться, пить, курить, картёжничать и ставить звонкие щелбаны младшим, а за отличия в учебе, спорте и труде.

Воры раскидали краники, словно камешки, повсюду – теперь и не соберёшь. Но страшнее всего, что парни поглумились над делом рук своих. Легко и безалаберно. А ведь сами же стояли у станков, тщательно обрабатывали каждую деталь, ревниво следили за результатами соцсоревнования, боролись за первенство. «Значит, не сумел научить ребят любить не только чужой, но даже и свой труд», – переживал Георгий Павлович.

И вот один из них сидит перед Сологубом, мнётся, врёт, изворачивается, тупо молчит. Георгий Павлович давно догадался, что парнишка даже не участвовал в преступлении. Он был в школе новичком, тихим и безобидным, поэтому нашкодившие «бугры» подошли к нему и потребовали: «Слышь, кореш! Пойдёшь к директору и признаешься, что это ты на склад лазил. Один! Ты ещё салабон – тебе за это ничего не будет. А нам кранты! Так что выбора у тебя нет, поступи по-пацански, а не как фуфло! А заложишь – в землю по уши зароем! Усёк?»

Отказаться духу у парня не хватило...

– Так и будешь молчать, Василий?

– Я же признался, чего еще надо? Наказывайте!

– Наказывать тебя за то, чего ты не совершал, я не могу. А вот за трусость, пожалуй, наказать бы следовало.

– Какую еще трусость? Я не трус!

– А ты, думаешь, поступил храбро? Сам погибай, а товарищей выручай? Ошибаешься! Никакие они тебе не товарищи. Заметь, ни один не пришёл и не высказался в твою защиту, напакостили – и попрятались за твоей спиной. А теперь ещё и смеются над тобой!

Васька удивленно вскинул глаза на директора.

– Смеются, смеются – можешь быть уверен! И презирают. Ты уже один раз взял на себя чужую вину – за это и сюда угодил. А подельники твои сейчас мороженое кушают, на велосипедах катаются, под домашними одеялками спят. И думать давно забыли про тебя и твой подвиг. В детской комнате милиции их стыдили за это. А они что ответили? Мол, какой он нам другу – так, дешёвка...

– Они не такие. Они настоящая братва!

– Этой, как ты выразился, братве ничуть не стыдно, что работа двух бригад пошла насмарку. Рабочие на заводе ждут эти краники, надеются на нас, у них ведь тоже план. А пилы «Дружба» ждут лесорубы в Сибири, на Дальнем Востоке. Нет пил – нет и древесины, а значит, не будут строиться дома, печататься книги и учебники, делаться мебель для трудящихся. Пойми, Вася, покрывая кучку негодяев, ты подводишь всю школу, честных товарищей – твоих настоящих друзей.

– Я не стукач! Никого не выдам – не ждите.

– Тоже мне, партизан! Я не требую от тебя предательства, я прошу, чтобы ты сам, честно, отказался от своих слов, не играл в благородство – здесь им, поверь, не пахнет.

– Ага, нашли дурака. Я их вкрячу, а они мне тёмную устроят. Проходу потом не дадут – хоть вешайся.

– Трёпки испугался? Не веришь, что коллектив защитит тебя?

– Ничего я не испугался! Меня всю жизнь и так били все, кому не лень, – шмыгнул носом Васька. – Мамкины хахали, пьяные соседи, старшаки во дворе. Заступиться-то за меня некому было: батёк помер, а мамку посадили. Разве что бабушка... Но какой из нее, старой, заступник? Эх, не понять вам! Сами-то, небось, родительский – чуть что, к папке жалиться бегали?

– Родительский, Вася, какой же ещё. Но ябедничать никогда не бегал.

Георгий Павлович задумчиво умолк. Он никогда не рассказывал детям, что на заре колхозного строительства его отца, честного и принципиального труженика, сослали на суровый север Прикамья, за то, что он смело критиковал рястяпу-председателя. Сослали вместе с семьёй – так и оказался маленький белорусский паренек Егорка Сологуб на уральской земле. А в роковом 1937-м отца арестовали, судили и расстреляли, якобы за антисоветскую пропаганду. Так что сызмала заступался Егорка за себя сам, особенно когда злоязыкие люди обзывали его выродком врага народа. А эти наветы били куда больнее, чем подзатыльники пьяных ханыг...

Так что он как никто другой понимал васькино состояние. Георгий Павлович видел, что парень не только от страха выгораживает подонков. Ещё в глубоком детстве кто-то сильный, властный, и, наверное, не менее авторитетный, чем Сологуб, внушил подростку, что эта круговая порука и есть настоящее чувство товарищества, а остальное – понты. Разубедить парнишку можно было только сильным, бронебойным примером.

– А что бы ты лично сделал с трусом, Вася? Как там в вашей братве положено с трусами поступать?

– Избил бы или зачморил козла!

– Так сразу? Скор ты на расправу... А у меня, понимаешь, в жизни был такой случай. Расскажу тебе, а ты решишь, прав я был или нет...

После жаркого боя бойцы-миномётчики кружком расселись прямо на позиции – непомерно уставшие, потные, с ног до головы в копоты порохового дыма. Всё пространство вокруг было изрыто воронками разрывов. Зевластые трубы миномётов ещё не успели остыть и шипели, хоть прикуривай от них. Поодаль, под тенистым деревом рядом лежали тела убитых, накрытые плащ-палатками.

А в центре круга, морщась от стыда и боли, сгорбился худющий молоденький красноармеец-узбек. Обеими руками он держался за окровавленную ступню в

рваном ботинке, тихо скулил и стеснялся поднять глаза на товарищей, застывших в строгом молчании. Самострел! В разгар боя он смалодушничал и тайком выстрелил себе в ногу, но опытных бойцов обмануть всё равно не сумел – видали они таких.

– Что будем делать, братцы? – наконец прозвучал чей-то давно уже висевший в воздухе вопрос.

– Как что? Расстрелять мерзавца перед строем!

– Не настрелялся ещё? А воевать-то кто будет?

– На кой ляд он нам, такой вояка! Позор!

– В трибунал его – пусть там судят!

– Да он же раненый!

– Ага, он, трус паршивый, будет на простынках белых в медсанбате валяться, а мы тут умирать за него? Шлёпнуть – и вся недолга! – хором загалдели солдаты.

– Да вы поглядите на него – что он видел, кроме песка да верблюдов? Забрали из аула, форму напялили, сунули винтовку – иди, воюй. А за что – толком не объяснили, – с жалостью поглядел на узбека пермяк сержант Фёдор Шелепенькин. — Ему ж, поди, и восемнадцати нет, совсем ребенок – доходной, наивный, как барашек, ничегошеньки не понимает...

– Да козёл он, а не барашек! Всё он понимает, чурка! Байский выкормыш, я на «зоне» повидал таких. Только вид делает, что по-русски ни бельмеса не фурычит, – истерично вскинулся юркий, вечно чумазый солдатик Хлястик, который, впрочем, охотней откликался на лагерную кликуху «Хрюня». – Если мы его прикроем, и об этом узнают в особом отделе – нам всем

хана. В лучшем случае – штрафная рота. Он же сам нас и спалит! Надо сдавать козлину «краснопёрым» или мочить прямо здесь. Я сидел, я знаю, что почём... А ты-то чего молчишь, Палыч? – обратился он к командиру минометного расчёта Георгию Сологубу.

– И это ваша блатная романтика – сдавать или мочить? Как-то не чем тут гордиться, Хлястик! – с добродушной усмешкой, которая так шла ему, промолвил Сологуб. – Нечего сказать, очень педагогично. Хорошая там у вас на «зонах» школа, и учителя, верно, хоть куда. Макаренки!

Георгий и сам был молод, но сильно уважаем товарищами за отвагу и не по годам мудрую рассудительность, которая не раз спасала им жизни в самых тяжких боях. А ещё – за светлую голову, всегдашнюю готовность помочь и научить всему, что сам знает и умеет. Педагог, как-никак! В 1941 году Сологуб поступил в учительский институт и даже успел закончить первый курс, должен был идти на педагогическую практику. А тут вот какая, понимаешь, приключилась практика – самая сложная на свете, на которой оценки не ставят. Ошибёшься с советом, неправильно обучишь, проявишь равнодушие – людей погубишь! А их и так после трёх лет войны мало осталось...

– Вот что, ребята, – оглядел он всех пытливым взглядом. – Нельзя вот так сплеча рубить. Главное не первый бой – такое с каждым могло случиться. Главное – как он поведёт себя во втором бою. А вот если и там сдрейфит, тогда расстреляем без суда и следствия!

Простим на первый раз, а если отвечать придётся, так всем, согласны со мной? Мы всё же тоже виноваты, что вырастили такого труса, и я – в первую очередь...

– Нету бай, дехканин¹ я. Бедняк. Колхоз. Комсомол. Я не буду трусом, Аллахом клянусь! Нет – Лениным, Сталиным клянусь! Прости, командир! Убей, если обману, – вдруг быстро заговорил узбек, сразу поняв, что как бы бойцы к нему ни относились, все равно в итоге послушают этого с виду строгого, но доброго и справедливого сержанта.

– Сопли утри, фраер! – прикрикнул Хлястик, но уже беззлобно, словно бы остыв вместе с трубой своего миномёта. – Живи и благодари братву – круговая порука, ядрёна-матрёна! А я лично тебя бы не пожалел...

– Несмышлёныш, конечно, но ведь какая-то падла надоумила его на самострел! – покачал головой Шелепенькин.

– Он с маршевой ротой в одной теплушке с блатными ехал. А там такие ухари – хоть святых выноси! На подлое дело кого хочешь уговорят. Запудрили мозги дурачку, пока замполит дремал, – улыбнулся Сологуб. – А мы из него человека сделаем – возьмём на поруки. Думаю, не разочаруемся...

¹ Декх́анин – в странах Средней Азии: крестьянин, сельский житель

В 1944 году в самый разгар кровопролитного сражения за город Львов ефрейтор Мурзаев заменил у миномета своего раненного командира – сержанта Сологуба. Расчёт под его командованием вёл огонь до последней мины, уничтожив более полусотни гитлеровцев, чем обеспечил успех атакующей пехоте.

Незадолго до Победы, в марте 1945 года отважный сын узбекского народа Самир Мурзаев пал смертью храбрых на подступах к Берлину, прикрывая своих боевых товарищей – белоруса Сологуба, украинца Хлястика и русского Шелепенькина, что однажды взяли его на поруки и не ошиблись...

– Вот это, понимаешь, Василий, тоже круговая порука! – Георгий Павлович по-отечески положил руку на плечо воспитанника. – Но чувствуешь разницу? Мои товарищи все как один грудью встали за одного, пусть даже оступившегося, и готовы были разделить с ним все невзгоды. А твои товарищи сделали тебя козлом отпущения – вот и весь сказ...

Васька поднял глаза на своего учителя и понял, что не пресловутая братва, а только этот пожилой мудрый человек выведет его в люди. Он сумел увлечь на добрые начинания педагогический коллектив, убедить в своей правоте сомневающихся, собрать вокруг себя ребяташек с очень непростыми судьбами,

заинтересовать их настоящим полезным делом и навсегда вырвать из цепких лап преступности.

Забегая вперёд, скажем, что Василий станет достойным человеком, передовиком производства и уже никто и никогда не сдвинет его с верного жизненного пути. А сейчас он доверчиво посмотрел на директора и твёрдо, не юля, сказал:

– Да, вы правы, Георгий Палыч, и тогда – на войне, и теперь. А козлом мне что-то не хочется быть. Неправильно это – быть козлом... Обещаю исправиться. Можно мне к вам на поруки?

И впервые улыбнулся. А улыбка у него была хорошая. Как у молодого сержанта Сологуба.